

О.В.Раевская (Москва)

О ДИСКУРСИВНЫХ СВОЙСТВАХ МЕТОНИМИИ

Метонимия как разновидность семантического переноса обычно предстает в специальных исследованиях как явление, относящееся к области лексической семантики в том смысле, что выделяемые типы переносов (материал – изделие,местилище – содержимое, место – жители, действие – результат и т.п.) являются регулярными моделями семантического развития лексики, что фиксируется, как правило, лексикографически. Поскольку в данном случае имеет место регулярная, отраженная в словарях лексическая многозначность, постольку можно говорить, вероятно, о парадигматической метонимии.

Не менее важен и интересен, однако, другой – синтагматический – аспект функционирования метонимии. Синтагматические, или дискурсивные свойства метонимии изучены гораздо меньше, чем собственно номинативные, или парадигматические, хотя ее роль в организации, по-видимому, значительнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Возьмем, к примеру, глагол *любить*, употребление которого представляет собой наглядный случай синтагматической метонимии. Сравним:

Я люблю Стендаля.

Я люблю Моцарта.

Я люблю море.

Я люблю яблоки.

Я люблю молоко.

Очевидно, что эти предложения означают примерно следующее:

Я люблю читать (книги) Стендаля.

Я люблю слушать (музыку) Моцарта.

Я люблю отдыхать на море.

Я люблю есть яблоки.

Я люблю пить молоко.

Глагол *любить*, таким образом, как бы имплицитно метонимическое употребление существительных-дополнений, которые, по существу, называют не отдельные предметы (яблоки, море, молоко), но целые ситуации. При этом далеко не все такие метонимические переносы могут быть отнесены к моделируемым, т.е. закономерным этапам семантического развития слова. Так, например, семантическая структура имени существительного *море* вряд ли включает (или предполагает) такое значение, или лексико-семантический вариант, как “отдых на море”. Такой модели парадигматической метонимии не наблюдается. Между тем, как кажется, нет ничего естественней такого метонимического употребления слова *море*.

Большинство дискурсивных метонимий не создают трудностей для слушающего (читающего), что объясняется их когнитивной мотивированностью, или тем, что Е.С.Кубрякова описывает как правила инференции, то есть семантической выводимости, основанной на общности представлений о картине мира.

В приведенных примерах с глаголом *любить* синтагматическая метонимия может быть определена как эллиптическая. То, что скрыто за эллипсисом, восстанавливается слушающим (читающим) именно на основе правил инференции. В подавляющем большинстве случаев такое восстановление происходит автоматически, причем ситуация, называемая метонимически существительным-дополнением, моделируется однозначно (если *люблю Стендаля* – значит *люблю читать Стендаля*, если *люблю Моцарта* – значит, *люблю слушать Моцарта*).

Не всегда, однако, синтагматическая метонимия может быть воспринята адекватно. Иными словами, ситуация, стоящая за метонимически употребленным именем существительным, не всегда может быть восстановлена с необходимой определенностью и однозначностью. В таких случаях говорящий (пишущий) компенсирует связанную с эллиптической метонимией неопределенность уточнениями. Ср.:

– Nous aimons Paris, ces rues, ces cafes.

– Comment peut-on aimer des endroits sordides, et des choses laides et toutes ces vilaines gens ? (S.de Beauvoir, L'Invitée).

Поскольку *любить Париж* может означать многое, в данном случае уточняется, о каких ситуациях, называемых словом *Париж*, идет речь: о парижских улицах, кафе, людях, а не о музеях, например.

Имена собственные в метонимическом употреблении и, в частности, в функции дополнения к глаголу *любить*, составляют отдельный – весьма интересный – предмет исследования.

Проблема дискурсивной метонимии возникает и при использовании одного речевого акта вместо другого.

Дискурсивная метонимия ставит, таким образом, немало семантических проблем, нуждающихся в специальном освещении.